

УДК 343

Распространение деструктивного контента в сети «Интернет» как способ радикализации молодежи: криминологический взгляд

Алиса Дмитриевна Малофеева

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
(Санкт-Петербург, Россия)
a_lisa13.13@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9931-7926

Аннотация

Введение. Несмотря на реакцию органов государственной власти на новые вызовы и угрозы национальной безопасности, криминогенная обстановка в стране остается сложной. Особую тревогу вызывает ситуация, связанная с вовлечением в экстремистскую и террористическую деятельность молодых граждан Российской Федерации. За последние два года треть всех зарегистрированных преступлений экстремистской направленности составляют публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». При этом в общей массе всех осужденных в 2024 г. по ч. 2 ст. 280 УК РФ удельный вес лиц, находившихся на момент совершения преступлений в возрасте от 14 до 39 лет, составил 64 %, что свидетельствует о тенденции радикализации и проявлений экстремизма среди молодежи. Политика в сфере противодействия радикализации молодежи часто носит реактивный, а не превентивный характер. **Методы исследования.** В статье представлены результаты исследования с учетом применения метода контент-анализа действующего законодательства, в частности, антиэкстремистского, юридической доктрины, социальных сетей и мессенджеров, методов правовой статистики (сводки типологической, вариационной, аналитической группировки данных). **Результаты.** Активное распространение радикальных взглядов и экстремистских настроений среди молодежи посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий подтверждается официальными статистическими сведениями о зарегистрированных преступлениях. При этом уровень латентности такого рода правонарушений остается высоким, что обусловлено определенными факторами правового, этического, технического и организационного характера. Исходя из сформулированного автором современного комплекса проблем противодействия цифровой радикализации молодежи, представляется возможным выработать механизмы повышения уровня защиты информационного пространства от проникновения деструктивного медиаконтента.

Ключевые слова

деструктивный контент, радикализация, экстремистские организации, молодежный экстремизм

Для цитирования: Малофеева, А. Д. (2025). Распространение деструктивного контента в сети «Интернет» как способ радикализации молодежи: криминологический взгляд. *Российский девиантологический журнал*, 5 (4), 660–673.

The spread of destructive content on the Internet as a means of radicalizing young people: a criminological perspective

Alisa D. Malofeeva

Saint Petersburg State University of Economics

(Saint Petersburg, Russia)

a_lisa13.13@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9931-7926

Abstract

Introduction. Despite the response of state authorities to new challenges and threats to national security, the crime situation in the country remains complex. Of particular concern is the involvement of young citizens of the Russian Federation in extremist and terrorist activities. Over the past two years, a third of all registered extremist crimes involve public calls for extremist activities made using mass media or information and telecommunication networks, including the Internet. At the same time, in 2024 among the total number of convicts under Part 2 of Article 280 of the Criminal Code of the Russian Federation, the proportion of individuals aged 14 to 39 at the time of the crime was 64%, which indicates a trend towards radicalization and manifestations of extremism among young people. Policies to counter youth radicalization are often reactive rather than preventive in nature. **Research methods.** The article presents the results of a study using content analysis of current legislation, in particular, anti-extremist, legal doctrine, social networks and messengers, and legal statistics methods (summaries and typological, variational, and analytical data grouping). **Results.** The active spread of radical views and extremist sentiments among young people through the use of information and telecommunication technologies is confirmed by official statistics on registered crimes. At the same time, the level of latency of such offenses remains high, which is due to certain legal, ethical, technical and organizational factors. Based on the current set of challenges in countering digital radicalization of youth, as formulated by the author, it appears possible to develop mechanisms for enhancing the level of protection of the information space from the infiltration of destructive media content.

Keywords

destructive content, radicalization, extremist organizations, youth extremism

For citation: Malofeeva, A. D. (2025). The spread of destructive content on the Internet as a means of radicalizing young people: a criminological perspective. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (4), 660–673.

Введение

Эпоха цифровых технологий обусловила новые возможности роста и развития всех сфер жизни, но вместе с тем породила множество беспрецедентных угроз не только нормальному функционированию социальных институтов, но и национальной безопасности государств. Одной из таких угроз по праву можно назвать цифровую радикализацию.

Научный дискурс относительно содержательного, смыслового компонента понятий «радикализм», «радикализация» продолжается. Отмечая наличие множества подходов к их определению, сформулируем в контексте данного исследования авторскую трактовку с учетом имеющихся научных взглядов.

В настоящее время под радикализацией можно понимать процесс:

1) в ходе которого люди или группы людей становятся приверженцами определенных радикальных идей или сторонниками коренных преобразований;

2) связанный с применением радикальных методов осуществления своих целей (Сакаев, 2021).

Если «радикализм» рассматривать через призму понятия «противоправность», то в таком случае можно выделить два вектора (траектории) радикализации: терроризм и экстремистскую деятельность (экстремизм), т. е. радикализм как приверженность крайним взглядам (идеям), сопровождающийся использованием насильственных методов борьбы и достижения целей. Можно выделить два главных источника поиска социальной поддержки экстремистов в современных условиях – это социальные связи и интернет, которые объединила инфраструктура социальных сетей (Забарин, 2024).

Цифровой радикализм как относительно новое явление, стремительно набирающее обороты в последние годы, – это сложный многоаспектный феномен, сочетающий элементы «традиционного» экстремизма и современных информационных технологий (их уникальных возможностей). Цифровая радикализация – многогранный процесс, состоящий из этапов, при котором происходит использование онлайн-платформ и различных цифровых инструментов, основные цели которого – вовлечение человеческого ресурса – сторонников радикальных идей, достижение их критической массы и переход к действиям насильственного характера.

Особенностями цифрового радикализма являются быстрая адаптация к изменяющимся условиям и нахождение новых способов функционирования. Детерминация таких особенностей обусловлена некоторыми ключевыми факторами: скоростью распространения; доступностью информации; анонимностью; воронками и эхо-камерами¹ («информационными пузырями»); таргетированием.

Способы вербовки и идеологическая обработка молодежи экстремистскими сообществами стремительно развиваются в транснациональном масштабе, и часто традиционные методы противодействия экстремизму утрачивают свою эффективность и функцию превенции. Например, исследования, посвященные идеологически мотивированным веб-дефейсментам², показывают, что те, кто действует в идеологических целях, часто выбирают конкретные домены (например, .org, .edu) и используют уязвимости серверов для проведения своих атак. При выборе сайтов для подобных хакерских атак правонарушители учитывают количество посетителей, целевую аудиторию, ее запросы, а также время, проведенное в сети, или одновременное присутствие на нескольких платформах социальных сетей. Такие факторы напрямую связаны с повышенным риском просмотра контента, разжигающего ненависть, и взаимодействия с ним (Freilich et al., 2024).

Особую обеспокоенность вызывает факт, что современный цифровой радикализм не ограничен какими-то двумя-тремя идеологическими течениями, а охватывает множество их, характеризующихся экстремистской направленностью.

Информационное противодействие экстремистской идеологии и терроризму, особенно в молодежной среде, приобретает стратегическое значение. Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем выступлении 5 марта 2025 г. подчеркнул, что «важной задачей остается борьба с экстремизмом, так как национальная и религиозная нетерпимость, агрессивный, воинствующий радикализм – это угроза единству и сплоченности многонационального народа России»³.

¹ What is a Social Media Echo Chamber? (November 18, 2020). *Stan Richards School of Advertising & Public Relations*.

² Дефейс (дефейс сайта) — это тип хакерской атаки, при котором происходит взлом веб-сайта, главная страница веб-сайта заменяется на другую, как правило, вызывающего вида, и публикуются на нем сообщения хакеров.

³ Выступление Владимира Путина на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России (2025). *Расширенное заседание коллегии МВД*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408>

Министр внутренних дел России В. А. Колокольников на расширенном заседании коллеги МВД в 2025 г. отметил, что «государство продолжает политику последовательного наращивания усилий по противодействию экстремизму, так как наблюдается негативная динамика. В рамках совместной деятельности МВД России и Федерального агентства по делам национальностей было пресечено и локализовано 86 правонарушений, которые имели конфликтный потенциал на этнической почве; запрещена деятельность 8 экстремистских организаций и 55 их подразделений; 58 иностранных структур признаны нежелательными на территории Российской Федерации; на постоянной основе проводится мониторинг интернет-пространства. Совместно с Роскомнадзором по итогам года был ограничен доступ к 42 тысячам ресурсов, содержащих радикальный контент⁴».

Представители молодежной среды, включая школьников и студентов, в большей степени подвержены влиянию экстремистских, криминальных, суицидальных и иных деструктивных онлайн-сообществ. В подростковом возрасте меняются не только когнитивные, но и социальные и эмоциональные особенности. Отмечается, что по сравнению со взрослыми подростки проявляют повышенную чувствительность к вознаграждающим и эмоциональным сигналам и влиянию сверстников. Зарубежные авторы утверждают, что повышенная чувствительность к деструктивной информации может дезориентировать подростков и субоптимально влиять на их действия и решения, а повышенная чувствительность к вознаграждающим и эмоциональным сигналам может выступать фактором, используемым экстремистскими сообществами для усиления влияния и контроля поведения подростков (Casey et al., 2022). Дети и молодежь в целом являются наиболее активными пользователями интернет-ресурсов, становясь уязвимой категорией для деструктивного воздействия, что обусловлено не в полной мере сложившейся у них ценностно-позитивной системой, низким уровнем правового сознания, недостаточно сформированным критическим мышлением, а также невысоким уровнем медиаграмотности. Последнее представляет собой определенные навыки, умения и знания в области медиа для защиты от влияния медиаманипуляций (Назметдинова, Куличев, Столярова, 2024).

Методы

Небезосновательно в настоящее время в научной дискуссии массово поднимается тема общественной опасности деструктивной идеологии, которая обусловлена актуальным и потенциальным разрушением социальных структур, созданием объективной угрозы национальной безопасности страны (Безбородов, Серкина, 2025; Шашкин, Рудаков, 2024; Назаренко и др., 2024; Баранов, 2024; Юрченко, 2025). Понятия, в которых используются слова «деструктивный контент», «деструктивное информационно-психологическое воздействие», уже интегрированы в современное законодательство⁵. Современное киберпространство создает условия для возникновения и расширения деструктивных онлайн-сообществ и субкультур. Целью данных формирований является вовлечение пользователей сети «Интернет» посредством погружения в так называемые «информационные колодцы». Данный термин обозначает использование последовательного, постепенно радикализующего информационно-психологического воздействия (Никишин, Осипов, 2024).

Поступательная реакция законодателя в этой сфере подтверждает актуальность и злободневность темы противодействия радикализации в интернет-пространстве. Так, в 2024 г. были

⁴ Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллеги МВД России (2025). *Расширенное заседание коллеги МВД*. URL: <https://мв.рф/news/item/62189090>

⁵ Например: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (2021); Указ Президента РФ от 17.05.2023 № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» (2023); Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024-2028 годы (утв. Президентом РФ 30.12.2023 № Пр-2610) (2023) и др.

приняты два законопроекта о введении уголовной и административной ответственности за так называемые треш-стримы⁶. В рамках этих изменений в ст. 13.15 КоАП РФ предусмотрена часть 12⁷, а также усилена ответственность за публичную демонстрацию (в интернете и СМИ) совершения насильственных преступлений. Статья 105 УК РФ дополнена квалифицирующим признаком: п. «о» – совершенное с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)⁸.

В исследованиях социологов, психологов, криминологов и криминалистов в последние годы активно поднималась тема стриммеров и трансляций их жестоких поведенческих актов. А. Н. Берестовой отметил, что «общественная опасность демонстративных проявлений антисоциального, антиобщественного и противоправного поведения состоит не только в том, что они причиняют физический и моральный вред, но и в том, что они пропагандируют такое девиантное поведение, оказывают деструктивное воздействие на несовершеннолетних лиц, что в дальнейшем сказывается на их нравственном развитии и воспитании» (Берестовой, 2025, с. 156).

С 1 сентября 2025 г. введена административная ответственность за поиск экстремистских материалов в интернете и получение доступа к ним, в том числе с использованием VPN (программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен)⁹. К таким экстремистским материалам, согласно закону, относят интернет-контент, содержащий призывы к экстремистской деятельности или ее оправдание¹⁰.

С начала 2022 г. активно обсуждалась идея создания единого реестра деструктивного контента в связи с поручением Президента России. В декабре 2022 г. было заявлено о разработке силами Регионального общественного центра интернет-технологий категоризатора деструктивного контента и готовности передать эту технологию различным онлайн-площадкам. В настоящее время на официальном сайте Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор) размещен Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено¹¹.

⁶ Распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», информации, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающей явное неуважение к обществу, содержащей изображение действий с признаками противоправных, в том числе насильственных, и распространяемой из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений.

⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (2001). СПС «Консультант Плюс».

⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. (1996). СПС «Консультант Плюс».

⁹ КоАП РФ Статья 13.53. Поиск заведомо экстремистских материалов и получение доступа к ним, в том числе с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. (2001). СПС «Консультант Плюс».

¹⁰ Информационные материалы признаются экстремистскими федеральным судом по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов, на основании представления прокурора или при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому или уголовному делу. Федеральный список экстремистских материалов формируется на основании поступающих в Министерство юстиции Российской Федерации копий вступивших в законную силу решений судов о признании информационных материалов экстремистскими.

¹¹ Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций <https://eais.rkn.gov.ru/>

С 2017 г. во многих странах приняты и действуют законы, направленные на введение дополнительных механизмов и мер по регулированию и контролю содержания размещенных в интернет-пространстве материалов. Эти меры нацелены на противодействие распространению в киберсреде противоправной информации в соответствии с критериями, установленными национальным законодательством.

В России помимо правоохранительных органов мероприятия в рамках данного направления реализуют Роскомнадзор, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры России) и общественные объединения («Лига безопасного интернета», «Белый интернет», Региональный общественный центр интернет-технологий – РОЦИТ, АНО «Центр изучения и сетевого мониторинга молодежной среды», АНО «Институт развития интернета» и др.).

Несмотря на, казалось бы, многосубъектный состав системы профилактики правонарушений в интернете, глубокую обеспокоенность вызывают темпы создания и распространения, прирост охватов деструктивного контента в интернете¹².

Результаты

Перманентное появление и рост различных деструктивных онлайн-сообществ в киберпространстве требуют повышения эффективности деятельности образовательных организаций, органов исполнительной власти и органов местного самоуправления в сфере профилактики радикализации молодежи. Ситуация в последнее время обострилась масштабным использованием контента, сгенерированного с помощью искусственного интеллекта (ИИ), экстремистские сообщества все чаще используют виртуальную реальность (VR) и возможности метавселенной. Контент, созданный с помощью ИИ, в том числе дипфейковые видео и автоматизированные чат-боты для целей вовлечения и последующей радикализации, позволяют членам экстремистских сообществ создавать убедительный контент для пропаганды, ориентированный на определенные демографические группы. На международном уровне за последнее десятилетие аналитики разработали различные модели для понимания процесса цифровой радикализации, приводящей к насильственному экстремизму (Khan et al., 2023).

Большинство онлайн-сообществ радикальной направленности – элемент системы целевого деструктивного воздействия на молодежную среду с использованием информационных технологий. С 2021 г. по 2024 г. можно наблюдать трансформацию угроз террористического характера и экстремистской направленности, а также пополнение перечней террористических и экстремистских организаций, что связано в том числе с появлением новых неонацистских течений на фоне проведения специальной военной операции.

Согласно статистическим сведениям МВД России, за восемь месяцев 2025 г. было зарегистрировано 473 389 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, из них: 953 – публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма (ст. 205² УК РФ), прирост составил 56,5 % относительно АППГ; 534 – публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), прирост составил 69,5 % относительно АППГ¹³.

Представленные выше данные статистики демонстрируют значительное увеличение количества зарегистрированных призывов к осуществлению террористической и экстремистской

¹² Охват — это маркетинговая метрика, которая показывает количество уникальных просмотров контента.

¹³ *Состояние преступности в России за январь-август 2025 года (2025)*. URL: <https://мвд.рф/reports/item/70644759/>

Таблица 1. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России по главе 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» с учетом возрастных категорий за период с 2019 г. по июнь 2025 г.

Table 1. Summary statistical data on criminal record in Russia according to Article 29 of the Criminal Code of the Russian Federation «Crimes against the foundations of the constitutional order and security of the state» taking into account age categories in the period from 2019 to June 2025.

Год / количество осужденных	Всего осужденных по главе 29	14–17 лет	18–24 лет	25–29 лет	30–49 лет	50 лет и старше
2019	282	12	86	43	113	28
2020	304	12	61	54	143	34
2021	527	16	81	81	271	78
2022	668	22	90	89	361	106
2023	863	31	91	107	473	161
2024	1277	39	138	134	681	285
Первое полугодие 2025	855	29	111	124	427	164

деятельности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации.

При этом удельный вес зарегистрированных преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 280 УК РФ, за указанный период составил 35 % от общей массы всех зарегистрированных преступлений экстремистской направленности. Особо следует подчеркнуть, что уровень латентности такого вида преступлений остается высоким.

Анализ общего числа осужденных за совершение преступлений, предусмотренных главой 29 УК РФ, демонстрирует устойчивую тенденцию к интенсивному росту показателей: с 282 человек в 2019 г. до 1277 человек в 2024 г. (рост в 4,5 раза за 5 лет)¹⁴ (таблица 1).

Необходимость сосредоточения усилий именно на такой группе, как молодежь, при осуществлении мероприятий, цель которых – противодействие цифровой радикализации, подтверждается результатами анализа социально-демографических характеристик осужденных за совершение преступлений, предусмотренных главой 29 УК РФ, которые наглядно демонстрируют сложившуюся опасную ситуацию (рис. 1).

Совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»), наиболее характерно в равной степени для возрастных групп с 18 до 29 лет и 30–39 лет (таблица 2).

Заключение

Радикализация молодежи становится все более серьезной и глобальной проблемой не только в сфере ИТ, но и в сфере национальной безопасности. Легкий доступ к экстремистскому контенту ускоряет процесс радикализации, сокращая время, необходимое для того, чтобы

¹⁴ Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/?id=79>

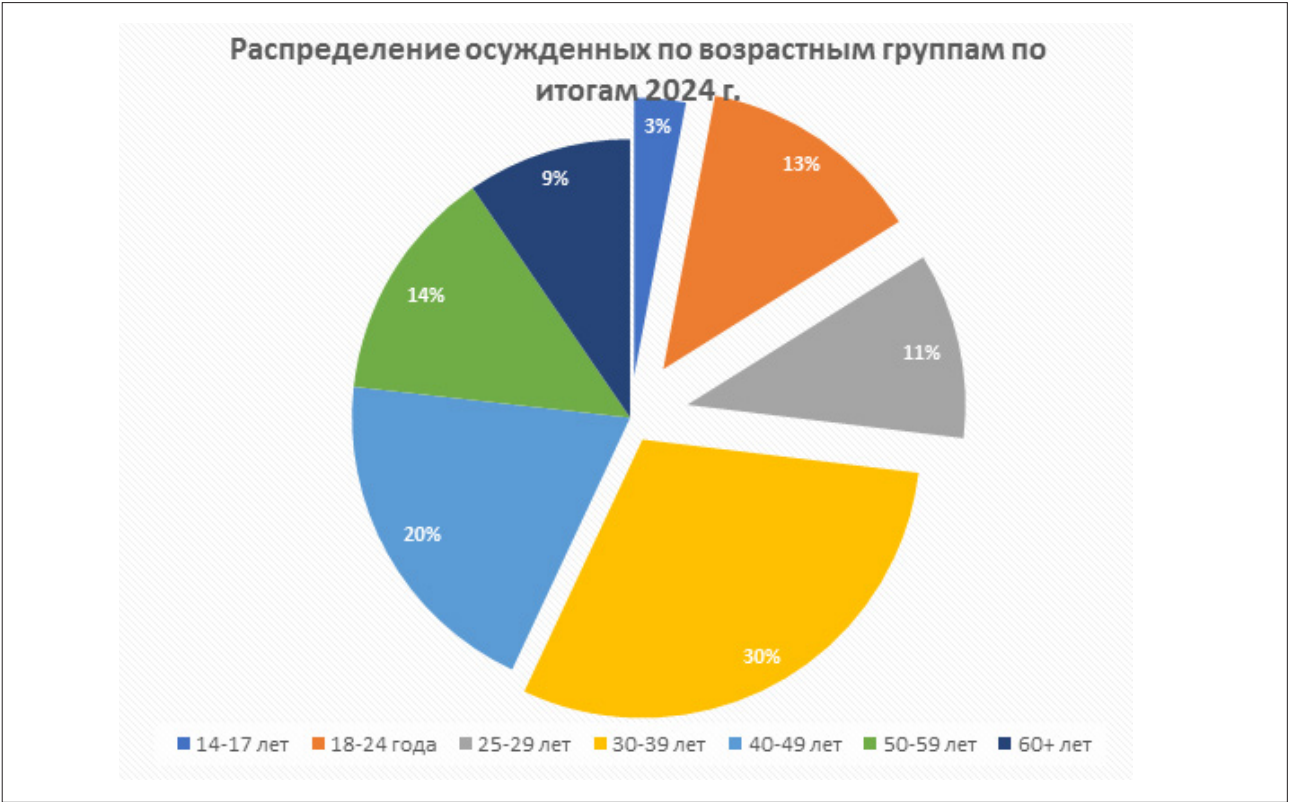

Рис. 1. Структура осужденных за совершение преступлений, предусмотренных гл. 29 УК РФ, по возрасту

Fig. 1. Structure of persons convicted for committing the crimes provided for in Article 29 of the Criminal Code of the Russian Federation, by age

Таблица 2. Распределение осужденных по половозрастным группам по итогам 2024 года (ч. 2 ст. 280 УК РФ)

Table 2. Distribution of convicted persons by age and gender in 2024 (Part 2 of Article 280 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Статья УК РФ	Всего осуждено	Осуждено женщин (гр. 1)	Совершены женщинами (гр. 2)		14-17 лет	18-24 года	25-29 лет	30-39 лет	40-49 лет	50-59 лет	60 + лет	Пенсионный возраст на момент преступления	
			Беременными	Имеющими ребенка до 3 лет								Мужчины старше 65 лет	Женщины старше 60 лет
280 ч. 2	203	15	1	0	12	25	27	65	44	19	11	4	3

человек превратился из пассивного пользователя и потребителя деструктивного контента в активного участника насильственного экстремизма. Новые экстремистские течения сочетают в себе элементы различных идеологий, что делает их адаптируемыми и привлекательными для более широкого круга людей.

Проблемы противодействия распространению деструктивного контента экстремистской направленности и радикализации молодежи связаны в том числе с тем, что правоохранные органы часто сталкиваются с юридическими и этическими трудностями, определяемыми нюансами взаимодействия с несовершеннолетними. В системе образования де-факто не работают механизмы, необходимые для своевременного выявления и устранения ранних признаков радикализации, а изучение контента радикальных онлайн-групп в большинстве статей сводится к поиску их специфической тематики, связанной с открытой или завуалированной пропагандой насилия (Кашпур, Барышев, Чудинов, 2021). В качестве примера можно привести движение МКУ¹⁵, которое в январе 2023 г. было признано террористической организацией. С 2021 г. правоохранными органами более чем в 50 регионах были произведены задержания свыше 150 членов данного сообщества. В сентябре 2022 г. ФСБ России сообщила о масштабной операции – в 46 регионах совместно со Следственным комитетом РФ и МВД России были проведены оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия в отношении 187 граждан России – участников интернет-сообществ, сторонников идеологии массовых убийств, администрируемых модераторами террористического движения «Колумбайн» и группировки МКУ¹⁶. Однако до настоящего времени на просторах интернета и в мессенджере Telegram можно увидеть контент, генерируемый последователями запрещенных организаций. Данный факт лишь подтверждает сложность и порой невозможность выявления и блокировки экстремистского контента, массированно распространяемого на разных онлайн-площадках. Автоматизированные системы обнаружения деструктивного контента могут быть использованы в качестве инструментов выявления целевых сообществ в социальных сетях (например, использование парсиновых систем), но предоставляемые ими функции недостаточны для выявления деструктивных идеологических платформ (Кузнецов, Карпова, Савельев, 2021). При этом в правоприменительной практике нет единого мнения о месте совершения преступлений экстремистской направленности в цифровом пространстве, а в научной дискуссии предложены несколько вариантов решения данной проблемы (Давыдов, 2024).

Проведенный анализ различных форм преступной деятельности экстремистских групп, совершаемых в цифровом (кибер-) пространстве и / или с использованием цифровых технологий, позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, стремительное развитие цифрового (кибер-) пространства (социальные сети, электронные СМИ и другие интернет-ресурсы), увеличение числа пользователей такого пространства и цифровых технологий (систем, программного обеспечения) способствуют распространению идеологии насилия из-за интенсивной пропагандистской деятельности.

Во-вторых, использование цифровых технологий экстремистскими группами фактически приводит к изменению механизма совершения преступлений экстремистской направленности и террористического характера – от стадии подготовки к совершению преступления и сокрытию его следов. Преимущества использования цифрового (кибер-) пространства и (или) цифровых технологий обусловлены высокой скоростью передачи данных и распространения

¹⁵ Международное движение МКУ («Маньяки. Культ убийств», другие используемые наименования – «Молодежь, которая улыбается», «Маньяки. Культ убийц») признана решением Верховного Суда РФ террористической организацией.

¹⁶ Верховный Суд признал движение МКУ террористической организацией. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/16809355>

информации (дезинформации), а также обработки больших объемов информации, что позволяет, например, оперативно находить сторонников, вербовать новых членов; доступом к неограниченно широкой аудитории и расширением географии распространения противоправного контента в условиях относительной анонимности (Antonova, 2023).

В-третьих, отличительная черта процесса радикализации в онлайн-пространстве посредством распространения деструктивного контента – это алгоритмизация. Так называемая алгоритмическая радикализация – это концепция, согласно которой алгоритмы рекомендаций на популярных сайтах социальных сетей, таких как YouTube и Facebook¹⁷, со временем подталкивают пользователей к более радикальному контенту, что приводит к формированию у них устойчивых радикальных взглядов. Алгоритмы фиксируют взаимодействие пользователей от лайков и дизлайков до времени, проведенного за просмотром постов, в целях последующей генерации бесконечного потока медиаконтента, призванного поддерживать вовлеченность пользователей.

Для реализации государственной политики в области противодействия цифровой радикализации молодежи необходим комплексный и многоуровневый подход.

Противодействие распространению деструктивного и противоправного контента радикальной направленности среди молодежи в онлайн-среде в большей степени основано на использовании аналитики социальных сетей, которая включает методы информационного поиска, машинного обучения и интеллектуального анализа данных. В целях выявления уровня вовлеченности в деструктивные, в том числе криминальные, онлайн-сообщества радикальной направленности возможно проведение среди обучающихся анонимных социологических опросов, осуществление на постоянной основе мониторинга в образовательной среде для оперативного выявления явных и латентных лидеров (участников) онлайн-сообществ, создающих и распространяющих деструктивный контент. Для защиты детей и молодежи от деструктивного информационно-психологического воздействия предлагается предусмотреть возможность ужесточения наказания за вовлечение несовершеннолетних в деятельность деструктивных групп, а равно пропаганду деструктивной идеологии с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» (Палий, 2024).

Важно отметить, что существующие меры противодействия распространению деструктивного контента в киберпространстве, которые основаны на ручной модерации контента, в совокупности с проблемой пробелов в действующем законодательстве относительно закрепления и трактовки понятий «деструктивный контент», «радикальный контент», «противоправный контент», «деструктивное воздействие» и др., недостаточно эффективны. В связи с этим необходима выработка общего подхода к категоризации подобного контента с учетом международной практики.

Несовершенство организационно-технических средств своевременного выявления радикального контента в сети «Интернет» и в образовательной среде требует внедрения новых способов противодействия и распространения такого контента. В рамках ряда исследований в этой области выдвинуты предложения об использовании технологий искусственного интеллекта для автоматизации процессов выявления и блокировки деструктивного, противоправного контента (Баранов, 2024). Зарубежные исследователи отмечают, что с помощью комбинации контролируемого и неконтролируемого машинного обучения появилась возможность

¹⁷ Американская транснациональная холдинговая компания Meta Platforms Inc. по реализации продуктов – социальных сетей Facebook и Instagram признана в соответствии с законодательством Российской Федерации экстремистской (решение Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 20.06.2022).

выявления новых и развивающихся моделей разжигания ненависти, пропаганды насилия на почве ненависти, которые распространяются в виде постов в социальных сетях (Farrell & Lockwood, 2023). Предложено, в том числе, внедрение и использование апробированных на практике выстроенных алгоритмов (моделей) идентификации онлайн-ресурсов, которые имеют высокую степень радикализации¹⁸.

В настоящее время отечественные технологические компании осуществляют деятельность в области разработки аналитических и парсинговых систем правоохранительной направленности, способных на глубокий анализ больших массивов информации, которые можно успешно использовать как один из инструментов в целях совершенствования механизмов выявления и пресечения распространения деструктивной информации.

С учетом изложенного становится очевидной необходимость проактивного подхода при противодействии цифровой радикализации молодежи, включающего: повышение цифровой грамотности (обучение людей критическому мышлению и навыкам проверки информации); совершенствование технологических инструментов выявления и ограничения распространения экстремистского контента; поддержку уязвимых групп (создание и внедрение программ психологической поддержки для детей и подростков, находящихся в группе риска радикализации); межведомственное сотрудничество (противодействие цифровой радикализации требует координации усилий правоохранительных органов, технологических компаний и институтов гражданского общества); международное взаимодействие (учитывая глобальный характер проблемы, важно развивать международное сотрудничество в сфере борьбы с цифровым экстремизмом). Распространение радикальных взглядов и экстремистских настроений среди молодежи можно предотвратить только посредством устранения общих и индивидуальных криминогенных факторов в сочетании с законодательными инициативами (Яковлева, Серенко, 2024).

Таким образом, борьба с цифровым радикализмом не должна приводить к чрезмерному ограничению свободы слова, важно найти баланс между обеспечением безопасности и сохранением фундаментальных прав и свобод в цифровую эпоху.

Список литературы

- Баранов, В. В. (2024). Использование искусственного интеллекта для выявления и предотвращения распространения экстремистской и террористической пропаганды в Интернете. *Труды Академии управления МВД России*, 4 (72), 113–128.
- Безбородов, Д. А., Серкина, С. И. (2025). Деструктивная идеология без признаков экстремизма: понятие и общественная опасность. *Криминалистъ*, 3 (52), 11–18.
- Берестовой, А. Н. (2025). Уголовно-правовое противодействие общественно опасным проявлениям субкультуры в сети «Интернет». *Российский девиантологический журнал*, 5 (1), 147–166. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2025-1-147-166>
- Давыдов, В. О. (2024). Цифровое пространство как место совершения преступлений экстремистской направленности. *Всероссийский криминологический журнал*, 18 (1), 89–95. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18\(1\).89-95](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18(1).89-95)
- Забарин, А. В. (2024). Психология сетевой толпы как субъекта политического экстремизма. *Управленческое консультирование*, 1 (181), 23–45. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-1-23-45>

¹⁸ Например, опыт Томского политехнического университета, ИИМБ МГЮА, Регионального общественного центра интернет-технологий (РОЦИТ).

- Кашпур, В. В., Барышев, А. А., Чудинов, С. И. (2021). Репрезентация радикальных сообществ российских социальных медиа: специфика контента и индекс активности. *Вестник Томского государственного университета*, 467, 133–143. <https://doi.org/10.17223/15617793/467/17>
- Кузнецов, С. А., Карпова, А. Ю., Савельев, А. О. (2021). Автоматизированное обнаружение перекрестных связей пользователей ультраправых сообществ в социальной Сети. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 59, 156–166. <https://doi.org/10.17223-1998863X-59-15>
- Назаренко, И. С., Меняйло, Д. В., Федосеев, А. Э., Самойлова, Ю. М. (2024). Угрозы безопасности в киберпространстве и способы защиты от них. *Право и государство: теория и практика*, 7 (235), 461–465.
- Назметдинова, И. С., Куличев, К. М., Столярова, С. С. (2024). Понятия «медиаграмотность» и «медиаобразование» в отечественной и зарубежной науке. *Проблемы современного педагогического образования*, 85-3, 236–239.
- Никишин, В. Д., Осипов, С. А. (2024). Меры противодействия деструктивному контенту: опыт и перспективы. *Обзор. НЦПТИ*, 4 (39), 14–25.
- Палий, В. В. (2024). Уголовно-правовые аспекты защиты прав несовершеннолетних от вовлечения в деструктивные группы и влияния деструктивного контента. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*, 4 (116), 141–150. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.116.4.141-150>
- Сакаев, В. Т. (2021). Понятие радикализации: обзор научных подходов в современной зарубежной литературе. *Антиномии*, 21 (2), 45–72. <https://doi.org/10.17506/26867206-2021-21-2-45>
- Шашкин, П. А., Рудаков, А. Б. (2024). Деструктивная идеология: понятие и смысловые границы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, 14 (2), 6–12. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2024-14-2-6-12>
- Юрченко, И. А. (2025). Теоретические и практические аспекты квалификации различных форм участия в публично демонстрируемых преступлениях против личности. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*, 5 (129), 93–101. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.129.5.093-101>
- Яковлева, Е. О., Серенко, Р. С. (2024). Современные закономерности делинквентного поведения и криминогенные факторы в системе предупреждения преступности несовершеннолетних. *Всероссийский криминологический журнал*, 18 (6), 614–623. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18\(6\).614-623](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18(6).614-623)
- Antonova, E. Yu. (2023). Terrorist crimes in the era of digitalization: forms of activity and measures for counteraction. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(1), 251–269. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.10>
- Khan, A., Qasim, M., Ullah, I., Shah, I., Khan, I. U., & Bilal, M. (2023). Exploring the influence of social media on the radicalization of youth towards violent extremism. *Russian Law Journal*, 11 (3), 3117–3125.
- Farrell, A., & Lockwood, S. (2023). Addressing Hate Crime in the 21st Century: Trends, Threats, and Opportunities for Intervention. *Annual Review of Criminology*, 6 (1), 107–130. <https://doi.org/10.1146/annurev-criminol-030920-091908>
- Casey, B. J., Simmons, C., Somerville, L. H., & Baskin-Sommers, A. (2022). Making the Sentencing Case: Psychological and Neuroscientific Evidence for Expanding the Age of Youthful Offenders. *Annual Review of Criminology*, 5 (1), 321–343. <https://doi.org/10.1146/annurev-criminol-030920-113250>

Freilich, J. D., Chermak, S. M., Arietti, R. A., & Turner, N. D. (2024). Turner Terrorism, Political Extremism, and Crime and Criminal Justice. *Annual Review of Criminology*, 7 (1), 187–209. <https://doi.org/10.1146/annurev-criminol-022422-121713>

References

- Baranov, V. V. (2024). Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta dlya vyyavleniya i predotvrashcheniya rasprostraneniya ekstremistskoj i terroristicheskoj propagandy v Internetе. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, 4 (72), 113–128.
- Bezborodov, D. A., Serkina, S. I. (2025). Destruktivnaya ideologiya bez priznakov ekstremizma: ponyatie i obshchestvennaya opasnost'. *Kriminalist*", 3 (52), 11–18.
- Berestovoj, A. N. (2025). Ugolovno-pravovoe protivodejstvie obshchestvenno opasnym proyavleniyam subkul'tury v seti «Internet». *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 5 (1), 147–166. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2025-1-147-166>
- Davydov, V. O. (2024). Cifrovое prostranstvo kak mesto soversheniya prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 18 (1), 89–95. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18\(1\).89-95](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18(1).89-95)
- Zabarin, A. V. (2024). Psihologiya setevoy tolpy kak sub"ekta politicheskogo ekstremizma. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 1 (181), 23–45. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-1-23-45>
- Kashpur, V. V., Baryshev, A. A., CHudinov, S. I. (2021). Reprezentatsiya radikal'nyh soobshchestv rossijskikh social'nyh media: specifika kontenta i indeks aktivnosti. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 467, 133–143. <https://doi.org/10.17223/15617793/467/17>
- Kuznecov, S. A., Karpova, A. YU., Savel'ev, A. O. (2021). Avtomatizirovannoe obnaruzhenie perekrestnyh svyazey pol'zovatelej ul'trapravnyh soobshchestv v social'noj Seti. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, 59, 156–166. <https://doi.org/10.17223-1998863H-59-15>
- Nazarenko, I. S., Menyajlo, D. V., Fedoseev, A. E., Samojlova, YU. M. (2024). Ugrozy bezopasnosti v kiberprostranstve i sposoby zashchity ot nih. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 7 (235), 461–465.
- Nazmetdinova, I. S., Kulichev, K. M., Stolyarova, S. S. (2024). Ponyatiya «mediagramotnost'» i «mediaobrazovanie» v otechestvennoj i zarubezhnoj nauke. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 85-3, 236–239.
- Nikishin, V. D., Osipov, S. A. (2024). Mery protivodejstviya destruktivnomu kontentu: opyt i perspektivy. *Obzor. NCPTI*, 4 (39), 14–25.
- Palij, V. V. (2024). Ugolovno-pravovye aspekty zashchity prav nesovershennoletnih ot vovlecheniya v destruktivnye gruppy i vliyaniya destruktivnogo kontenta. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina*, 4 (116), 141–150. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.116.4.141-150>
- Sakaev, V. T. (2021). Ponyatie radikalizatsii: obzor nauchnyh podhodov v sovremennoj zarubezhnoj literature. *Antinomii*, 21 (2), 45–72. <https://doi.org/10.17506/26867206-2021-21-2-45>
- Shashkin, P. A., Rudakov, A. B. (2024). Destruktivnaya ideologiya: ponyatie i smyslovye granicy. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 14 (2), 6–12. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2024-14-2-6-12>
- Yurchenko, I. A. (2025). Teoreticheskie i prakticheskie aspekty kvalifikatsii razlichnyh form uchastiya v publichno demonstriruemym prestupleniyah protiv lichnosti. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina*, 5 (129), 93–101. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.129.5.093-101>
- Yakovleva, E. O., Serenko, R. S. (2024). Sovremennye zakonomernosti delinkventnogo povedeniya i kriminogennye faktory v sisteme preduprezhdeniya prestupnosti nesovershennoletnih. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 18 (6), 614–623. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18\(6\).614-623](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18(6).614-623)

- Antonova, E. Yu. (2023). Terrorist crimes in the era of digitalization: forms of activity and measures for counteraction. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(1), 251–269. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.10>
- Khan, A., Qasim, M., Ullah, I., Shah, I., Khan, I. U., & Bilal, M. (2023). Exploring the influence of social media on the radicalization of youth towards violent extremism. *Russian Law Journal*, 11 (3), 3117–3125.
- Farrell, A., & Lockwood, S. (2023). Addressing Hate Crime in the 21st Century: Trends, Threats, and Opportunities for Intervention. *Annual Review of Criminology*, 6 (1), 107–130. <https://doi.org/10.1146/annurev-criminol-030920-091908>
- Casey, B. J., Simmons, C., Somerville, L. H., & Baskin-Sommers, A. (2022). Making the Sentencing Case: Psychological and Neuroscientific Evidence for Expanding the Age of Youthful Offenders. *Annual Review of Criminology*, 5 (1), 321–343. <https://doi.org/10.1146/annurev-criminol-030920-113250>
- Freilich, J. D., Chermak, S. M., Arietti, R. A., & Turner, N. D. (2024). Turner Terrorism, Political Extremism, and Crime and Criminal Justice. *Annual Review of Criminology*, 7 (1), 187–209. <https://doi.org/10.1146/annurev-criminol-022422-121713>

Информация об авторе

Алиса Дмитриевна Малофеева – доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат юридических наук.

About the author

Alisa D. Malofeeva – Associate Professor at the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Saint Petersburg State University of Economics, Cand. Sci. (Law).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 05.11.2025

Одобрена после рецензирования 18.11.2025

Опубликована 28.12.2025

Submitted November 05, 2025

Approved after reviewing November 18, 2025

Accepted December 28, 2025